

Глава 4

Семеро переглянулись и с сомнением последовали за ним.

Они не то чтобы полностью доверяли этой безвестной «Академии Цинбэй», но после многочисленных провалов на экзаменах им просто некуда было идти. Этот молодой господин, хоть и был юн, держался с достоинством. Может, это и впрямь был их шанс, получше, чем толкаться у ворот аристократов.

Внутренний двор оказался на удивление ухоженным. Просторный и чистый, с небольшим прудом, в котором плавали карпы кои, и аккуратно подстриженной травой. Ивы у ступеней и цветы в саду создавали атмосферу, располагающую к учёбе.

Среди семерых были люди разного возраста. Те, что постарше, шли, опустив головы и разглядывая свою поношенную одежду и обувь. Они никогда не бывали в таких местах и остро ощущали пропасть между собой и этим миром. Другие же, наоборот, шли с высоко поднятой головой, с любопытством озираясь по сторонам.

А Шэнь Цинхэ неспешно шёл впереди, размышляя о том, что летом этот пруд и трава привлекут комаров. Он решил, что нужно будет снести все эти искусно созданные мастерами ландшафтные композиции, расчистить место и устроить площадку для утренней зарядки, чтобы студенты развивались всесторонне.

Наконец они дошли до учебного класса. Когда дверь открылась, семеро изумлённо замерли.

В Великой Юн простолюдины сидели на полу, скрестив ноги, а знать и учёные мужи предпочитали низкие столики и циновки, что считалось верхом изящества. Но то, что они увидели, было совершенно необычным. В комнате ровными рядами стояли высокие столы и стулья, почти в половину человеческого роста. Никто из них никогда не видел такой мебели. А впереди, на месте учителя, стояла странная низкая тумба, назначение которой было совершенно непонятно.

Впрочем, мало кто из них вообще бывал в настоящих школах, поэтому они решили, что это просто новомодная мебель, принятая в высшем свете, и не стали задавать вопросов, чтобы не выдать своего невежества. Они и не подозревали, что даже князья и принцы никогда не видели ничего подобного.

— Садитесь, где хотите, — Шэнь Цинхэ с удовлетворением оглядел парты и стулья. Наньхун проделал отличную работу, сумев воссоздать их по его весьма схематичным рисункам.

— Только садитесь поближе, на задние ряды не лезьте, — добавил он, заметив их замешательство.

Кое-как усевшись за непривычно высокие столы, они наблюдали, как Шэнь Цинхэ подошёл к предмету, похожему на большой обувной шкаф, который оказался кафедрой. Он взял в руки палочку из белого мела, повертел её в пальцах и подошёл к чёрной доске. Затем уверенно написал несколько больших иероглифов:

«Теория о ценности небытия»

— Вступительный экзамен. Напишите сочинение на эту тему. Время — полчаса. В академии не хватает преподавателей, так что останутся только те, кто пройдёт, — Шэнь Цинхэ бросил мел и уселся в кресло-качалку.

— А что значит «пройдёт»? — спросил кто-то.

Шэнь Цинхэ прикрыл лицо веером.

— Всё просто. Пройдёт тот, чья работа мне понравится.

— А если вам не понравится ни одна? — возмутились они.

— Тогда, господа, вам придётся искать другую дорогу, — ответил он.

В сердцах у них закипел гнев, но, взглянув на доску, они немного успокоились. Тема была несложной. «Теория о ценности небытия» была одним из ключевых положений «чистых бесед» клана Юэ. Первоначально она звучала как «всё сущее рождается из небытия».

Поскольку «Чистое учение» было доминирующим в Великой Юн, большинство учёных были его последователями. Они изучали его годами, так что написать сочинение на эту тему не составляло для них труда.

Полчаса пролетели быстро. Люйсун собрал работы и передал их господину.

Семь листов бумаги, на которых ещё не высохла тушь. Хотя стиль письма и обороты речи отличались от тех, к которым привык Шэнь Цинхэ, он быстро просмотрел их и отложил три работы.

— Эти, — сказал он, — не прошли. Можете быть свободны.

Трое тут же вскочили, их лица исказились от гнева.

— Да как вы смеете!

— Мы хоть и простолюдины, но у нас есть гордость! Если вы хотели потешиться над нами, то мы не позволим себя унижать!

Будь перед ними настоящий учёный муж, они бы с готовностью выслушали его критику. Но быть униженными каким-то безвестным юнцом — это было слишком. Если об этом станет известно, им больше не будет места в учёном мире.

Шэнь Цинхэ потёр нос. Он и вправду не хотел никого унижать.

Напряжение нарастало. Наньхун вовремя вмешался. Он достал из рукава три золотых листа. При виде золота гнев троих мгновенно угас, и они посмотрели на Шэнь Цинхэ совершенно другими глазами.

Так запросто раздавать золото! Каким же состоянием он должен обладать!

— Идите, идите, — махнул рукой Шэнь Цинхэ. — Но если я услышу, что кто-то распускает слухи и порочит имя нашей академии... — он провёл ребром веера по шее.

Трое тут же закивали, схватили золото и поспешили уйти, думая про себя: «Долго ли просуществует эта шарашкина контора? С таким-то транжирой во главе и золотого дома не хватит!»

[Система с любопытством просканировала работы троих. Хотя они и не были гениальными, но в них была своя мысль. Она сочла нужным напомнить: «Для бедных учёных этого времени они

пишут совсем неплохо».]

— Система, ты снова ошибаешься. Какой первый шаг в решении задачи?

[Система: ...Понять, чего хочет экзаменатор.]

— Правильно! — мысленно поаплодировал ей Шэнь Цинхэ. — Я задал тему «Теория о ценности небытия» не для того, чтобы слушать, как они её расхваливают на все лады. Когда берёшь учеников, нужно искать тех, кто мыслит с тобой в одном направлении. Зачем мне табун диких лошадей? У меня нет ни желания их укрощать, ни вселенской любви Конфуция. Их работы не плохи, они просто не соответствуют моим целям.

«Теория о ценности небытия» была одним из столпов учения клана Юэ, и её основатель был великим мудрецом. Но его последователи превратили её в инструмент лицемерия, говоря о возвышенном и творя низменное. Это учение становилось причиной раскола в обществе и было бельмом на глазу у императора. А Шэнь Цинхэ, чтобы сохранить свою голову на плечах и жить в своё удовольствие, должен был следовать воле государя.

Оставшиеся четверо были на удивление молоды и, как заметил Шэнь Цинхэ, весьма симпатичны.

Они поклонились ему. Самый старший, по имени Шань Бовэнь, в своём сочинении высказал как похвалу, так и критику «Теории», проявив умеренность. Он и выглядел рассудительным и зрелым. «Вот и староста группы», — решил Шэнь Цинхэ.

Второй, Сюй Лэшэн, одетый в просторный халат, выглядел самым опрятным из всех. Он с улыбкой спросил:

— Господин, а можно я тоже уйду, а вы мне дадите золотой лист?

Шэнь Цинхэ с улыбкой отказал.

Третий, Гао Жун, был холоден и отстранён, как горная вершина. Его сочинение было таким же — резким и бескомпромиссным. Он лишь сухо назвал своё имя.

Самым младшим оказался юноша с детским лицом по имени Ю Ло. Он сказал, что пришёл, увидев объявление на улице. Его работа запомнилась Шэнь Цинхэ больше всего. Он язвительно и остро раскритиковал «Теорию», назвав её «лягушачьим кваканьем и стрекотом цикад, лишь раздражающим слух». Шэнь Цинхэ от души рассмеялся и сказал Системе: «Вот видишь, мне нужны именно такие, нестандартно мыслящие таланты».

Познакомившись с учениками, Шэнь Цинхэ хлопнул в ладоши.

— Наньхун, раздай-ка им уведомления о зачислении.

Четверым вручили по листу бумаги с золотым тиснением и контракту.

— Моя фамилия Шэнь, — откашлявшись, произнёс он. — Можете называть меня учитель Шэнь. Поздравляю вас с зачислением в первый набор студентов Академии Цинбэй. А теперь несколько важных моментов.

— Вы прошли по специальному конкурсу, так сказать, были зачислены вне очереди. В течение пяти лет вы не имеете права переводиться в другую академию. В случае нарушения —

огромный штраф, подробности в контракте.

— Наша цель — подготовка государственных служащих, поэтому учебный план отличается от других академий. Вы должны беспрекословно ему следовать. Пока я единственный преподаватель. Напротив — библиотека и читальный зал. Мы поощряем самообучение. Также у нас есть стипендии для нуждающихся, но их распределение зависит от успеваемости.

— Внутренние материалы академии не подлежат разглашению. За плагиат и другие академические нарушения — взыскание, которое останется в вашем личном деле и повлияет на вашу карьеру. При зачислении вы получите студенческий справочник, советую внимательно его изучить. Академия пока в процессе получения аккредитации, но моя цель — через три года войти в топ, а через пять — стать лучшей. Надеюсь, вы приложите все усилия, чтобы помочь нам в этом.

Шэнь Цинхэ улыбнулся.

— Вроде всё. Подписывайте.

Незнакомые слова и понятия повергли четверых в ступор. Они растерянно смотрели на уведомления и контракты в своих руках.

Неужели так и выглядит обучение в высшем учебном заведении?

Ю Ло с детским лицом первым поставил свою печать.

— Все всегда называли меня бунтарём, — улыбнулся он. — Раз уж учитель оценил это, я отплачу ему тем же!

Сюй Лэшэн подписал вторым.

— Мне кажется, с вами я не пропаду, — сказал он. Раздавать золотые листья направо и налево — это определённо сулило большие перспективы.

Шань Бовэнь и Гао Жун помедлили, но в итоге тоже подписали. Другого выбора у них всё равно не было, а их амбиции требовали хоть какой-то надежды, пусть даже и в лице этой странной Академии Цинбэй.

Наньхун собрал контракты. Академия Цинбэй была официально основана. Шэнь Цинхэ потянулся. Он несколько ночей не спал, изучая политическую обстановку в Великой Юн и составляя учебный план. Если он не отдохнёт, то просто умрёт от переутомления.

Уходя, он дал студентам домашнее задание:

— Библиотека официально открыта для вас. Есть в ней запрещено. Чтобы брать книги, нужно оформить читательский билет. Прочитанное возвращайте на место. На днях я составлю правила пользования библиотекой... Занятия начинаются послезавтра, в час Дракона. Не опаздывать.

[Система с любопытством спросила: «Почему послезавтра?»]

— Потому что завтра у меня выходной, — ответил Шэнь Цинхэ.

[Система: ...А я уж было поверила в твою серьёзность.]

— Ха-ха, какой ты пугливый. Если бы ты увидел меня в деле раньше, ты бы умер от страха.

Когда хозяин и его слуги ушли, четверо всё ещё стояли в замешательстве.

— Напротив — библиотека, — с энтузиазмом предложил Сюй Лэшэн. — Может, заглянем?

Книги — основа любого рода. Чем знатнее семья, тем больше она ценит свою библиотеку. То, что этот молодой господин так запросто готов поделиться своими знаниями, означало, что там вряд ли хранится что-то ценное... Вся эта академия казалась одной большой авантюрой. Но, может, хоть какие-то из этих книг окажутся им полезны.

Солнечный свет, проникая в дверной проём, окутал их фигуры, очертив их силуэты тонкой золотой каймой. Шань Бовэнь, шедший впереди, прикрыл глаза рукой.

— То, что этот господин готов поделиться с нами семейными книгами, — уже великое благо. Мы не должны быть неблагодарными, — сказал он перед дверью библиотеки.

Он хотел сказать, что нужно умерить свои ожидания. Даже если книги окажутся бесполезными, нельзя отвечать злом на добро.

— Конечно, я же не какой-то негодяй, — Ю Ло нетерпеливо толкнул дверь.

Дверь со скрипом отворилась.

<http://bllate.org/book/13438/1196498>